

Через несколько дней после принятия декрета об отделении Церкви от государства на богослужении в московском Николо-Воробьинском храме Тихон объявляет Советскую Россию "Россией в проказе". А в начале февраля в специальном послании он объявляет лишение Церкви прав собственности "разнузданным своеволием и сплошным насилием над всеми", народных комиссаров — безумцами, предаёт их анафеме и заклинает верных чад не вступать с этими "извергами рода человеческого в какое-либо общение". Надо ли объяснять, что в той, хотя и революционной, но весьма еще религиозной России, призывы главы Церкви не могли не встретить поддержки? Не такой широкой, как рассчитывали церковники, но поддержка им была.

Масштабы антисоветской церковной пропаганды расширяются. Главам епархий и настоятелям монастырей рассылаются грамоты патриарха, его постановления, печатаются его "Слова". 16 февраля на 76 заседании Собора он обвинил большевиков в убийстве митрополита Киевского и Галицкого Владимира. На каком основании? А он, оказывается, "...имел печальный случай убедиться в этом от одного человека, прибывшего сегодня из Киева. Убийство произошло 25 или 26 января (по ст. ст.)".

Строго говоря об убийстве Владимира толком ничего не известно и по сей день. Все факты, связанные со смертью 26 января 1918 года митрополита, собрал архимандрит Матфей, специально направленный Собором в Киев для расследования обстоятельств убийства (это считалось бесспорным) и сделавший по возвращении на заседании Собора доклад. (В свете этого вызывает недоумение ссылка патриарха Тихона на "одного человека").

Выяснил архимандрит не так уж и много. Во-первых, что вернувшегося в Киев из Москвы митрополита никто не встретил на вокзале. А утром 26 января (8 февраля) ночевавшая в Киево-Печорской Лавре, где постоянно проживал митрополит Владимир, группа вооруженных людей, уходя, увела его с собой. Эпизод этот произошел на глазах большой, не менее ста человек, толпы монахов и богомольцев. Никто из них не обеспокоился уводом своего архипастыря, никто не обеспокоился его дальнейшим отсутствием. На следующий день какая-то женщина сообщила монахам, что бездыханное тело митрополита лежит у монастырской стены. Представители только что установленной в Киеве Советской власти заявили, что они никакого отношения к гибели митрополита не имеют.

Вот и все, что узнал соборный посланец. А о причинах столь, мягко говоря, прохладного отношения киевских церковников к своему руководителю члены Собора могли догадаться и без доклада архимандрита. Центральная Рада, объявившая сначала об автономии, а затем и независимости Украины, была намерена образовать и независимую от Русской православной церкви свою, Украинскую. Для образования полной автокефалии весной 1917 года был создан Центральный украинский комитет, преобразованный в ноябре в Церковную Раду, которая поставила своей целью созвать Поместный Всеукраинский собор. На московском Соборе к идее его проведения отнеслись положительно, но при условии его созыва только "по благословению патриарха". В среде церковников Украины сложилось две партии, одна из которых, включая архиепископа Волынского Евлогия, ставшего в эмиграции весьма значительной фигурой в среде духовенства, не только выступала за автокефалию, но даже признала Церковную Раду "правомочным органом церковной власти на Украине". Вернувшийся в Киев митрополит Владимир заявил, что он скорее умрет, чем согласится на признание Рады "правомочным" органом. Патриарх Тихон знал, как националисты относятся к Владимиру, и тем не менее объявил убийцами митрополита большевиков.

Кстати, вторая сессия Собора, на которой Тихон обвинил большевиков виновниками смерти митрополита Владимира, собралась с целью совсем не богоугодной, а как сформулировал ее сам патриарх в приветственном слове, для разработки мер противодействия декретам правительства. Меньше, чем за месяц, необходимые для этого мероприятия были подготовлены и утверждены постановлениями патриарха и синода. Помимо призывов к пастырям "крепко стоять на страже Святой Церкви в темную годину гонений" они содержали конкретные указания по организации сопротивления мерам Советской власти. В частности, предусматривалось создание при всех церквях из прихожан союзов (коллективов), которые должны были бы "защищать святыни и церковное достояние от посягательства". Примечательно, союзы предлагалось организовывать под видом просветительских и благотворительных обществ и ни в коем случае не допускать в названиях слов, отражающих их церковный или религиозный характер. Подобные союзы предлагалось также создать при монастырях, скитах и подворьях. Этим союзам рекомендовалось объявлять себя, если потребуется, собственниками церковного имущества. В особом разделе давались рекомендации, как укрывать церковное имущество от представителей органов власти, которые в постановлении назывались грабителями. В документе прямо говорится: добровольно церковное имущество не отдавать, а в случае появления в церкви представителей власти поднимать народ: рассылать гонцов, бить в набат.

В документе указывались и какие меры необходимо предпринять с целью сопротивления отделению школы от Церкви. Был в постановлении и раздел "О церковных наказаниях", самый, между прочим, большой. Вот его первый пункт: "Все восстающие на Святую Церковь, причиняющие поругание святой право-

славной вере и захватывающие церковное достояние, подлежат, невзирая на лица, отлучению церковному". Для большинства большевиков, в основной массе своей людей не верующих, это было не бог весть какая угроза. Но, во-первых, в РКП(б) состояли и верующие. А, во-вторых, актив-то местных органов советской власти уже в большинстве своем состоял из верующих. Для них патриаршая угроза была очень страшным наказанием. Ведь отлученных даже хоронить запрещалось по христианскому обряду. Представьте себе, как в деревне поп отказывается причастить умирающего, отпеть усопшего. Каково-то верующему умирать с мыслью о том, он не получил разрешения от грехов, не причастился Святых Даров. И каково близким и родственникам умершего сознавать, что его отца, мать, сына, дочь, брата, сестру, друга похоронили, не прочитав над ним Псалтырь, без панихиды, что по представлению верующих облегчает страшные мытарства, которые испытывает душа, когда человек умирает... Надо сказать, что о близких и родственниках отлученных от церкви авторы постановления тоже "побеспокоились". Всем верующим запрещалось входить с ними, кроме крайних случаев, в какие-либо сношения.

К сожалению, газета не автобус, который обычно забирает с остановки всех пассажиров, и у меня нет никакой возможности рассказать о весьма разносторонней антисоветской деятельности святейшего патриарха Тихона в полном объеме. Для этого надо бы подробнее рассказать о политической деятельности и Поместного собора, среди членов-мирян которого были представители русской аристократии, члены Государственного Совета Российской империи, депутаты Государственной Думы и на заседаниях которого председательствовал патриарх. Рассказать о том, как Тихон вдохновлял, хотя он и решительно отказывался от этого, белое движение, как благословил высадку интервентов в Архангельске, как настраивал с помощью зарубежных церковных организаций общественное мнение европейских стран против Советского государства... Но, повторюсь, рассказать обо всем невозможно.

Поэтому я остановлюсь еще лишь на двух эпизодах трудов патриарха на антисоветском поприще. Один из них хорошо известен, другой нет, хотя именно он сыграл чрезвычайно важную роль в становлении и мобилизации контрреволюционных сил в годы гражданской войны, а особенно — в эмиграции.

Первый эпизод — это попытка Тихона воспрепятствовать изъятию церковных ценностей для организации помощи голодающим. И "демократические" и "патриотические" авторы произнесли и написали на эту тему немало слов. Все их можно свести к следующим утверждениям. Патриарх сам хотел помогать голодающим, сохранив в храмах лишь священные сосуды, передавать которые Советской власти ему запрещали церковные каноны, чем воспользовались большевики и устроили новое гонение на духовенство и верующих.

Как известно, Геббельс призывал своих сотрудников врать как можно больше: тогда ложь будет убедительна. Но ложь, приправленная долей правды, считается более эффективной. Это, несомненно, хорошо усвоили антисоветчики, поэтому в их измышлениях всегда на виду часть правды, ну а другую часть, большую, конечно, они тщательно скрывают. Их рассказы о несчастном Тихоне, который де всего лишь хотел сдобности церковные каноны — тому один из примеров.

Действительно, как только в Москве появились сообщения о надвигающемся голоде, патриарх обратился — это был август 1921 года — к главам всех христианских церквей — православным патриархам, римскому папе, архиепископу Кентерберийскому и епископу Йорскому с призывом помочь населению Поволжья, а созданный указом патриарха Всероссийский Церковный Комитет приступил к сбору денег на закупку хлеба.

Советское правительство не возражало против участия Церкви в организации помощи голодающим. Но — тут я не имею доказательств и вхожу в область предположений — вероятно, не без оснований опасаясь со стороны церковников каких-нибудь подвохов, правительство предложило руководству Церкви участвовать в этой работе в рамках деятельности Комиссии помощи голодающим при ВЦИК РСФСР (Помголе). Председателем этой комиссии был М. Калинин, а заместителем председателя А. Винокуров. С ним представители патриарха и вели все переговоры, с ним была достигнута и договоренность о передаче части церковных ценностей на помощь голодающим.

По поводу ценностей мне кажется необходимым пояснить следующее. Декрет "Об отделении церкви от государства и школы от церкви" лишил все церковные и религиозные организации права владения собственностью. Статья 13 декрета объявляла все их имущество народным достоянием. Это решение привело церковников прямо-таки в ярость. Тихон, я уже писал об этом, объявил "анафематствование творящих беззаконие", пообещав им огонь геенский в будущей — загробной жизни и страшные проклятия потомков в жизни земной. Между тем, объявление имущества Церкви народным достоянием не означало его конфискацию. Все, что необходимо было для богослужения, декрет предусматривал передать "в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ". Что и было сделано. Так что истерикой церковники исходили не потому, что их лишили возможности вести богослужение, а потому что они потеряли возможность распоряжаться по своему усмотрению огромным имуществом.

Окончание в следующем номере.

ЦЕРКОВЬ

ПРЕДЛОЖЕНИЯ К ПРОЕКТУ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ЦК РКП(Б) О ПУНКТЕ 13 ПРОГРАММЫ ПАРТИИ

Получить Ярославскому и Бухарину переделать в направлении таком, чтобы не выпячивать вопроса о борьбе с религией (например, выкинуть § 7) и допустить, с рядом особо ограничительных условий, оставление в партии верующих, но заведомо честных и преданных коммунистов.

Борьбу с религией поставить научнее.

1920 г.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА СОВЕЩАНИИ БЕСПАРТИЙНЫХ ДЕЛЕГАТОВ IX ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ

Я две минуты попросил бы у тов. Калинина, чтобы не вышло какого-либо неправильного понимания его слов. Я уверен, что он не хотел приписать мне этой мысли, будто я когда-нибудь предлагал жечь молитвенники. Само собой разумеется, что я никогда этой вещи не предлагал и предложить не мог. Вы знаете, что по нашей Конституции свобода духовная насчет религии за каждым безусловно обеспечена.

1921 г.